

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII в.

Перевезенцев Сергей Вячеславович, доктор исторических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 2
E-mail: serp1380@yandex.ru

Рассматриваются основные направления русской социально-политической мысли XVIII в.: государственническое, консервативно-просветительское, радикально-просветительское, традиционалистско-православное. Дана характеристика каждого из направлений, осуществлен сравнительный анализ, рассмотрено влияние каждого из направлений на процессы развития социально-политической мысли России.

Ключевые слова: русская социально-политическая мысль XVIII в., просветительство, рационализм, традиционализм, консерватизм, православие

THE MAIN DIRECTIONS OF THE RUSSIAN SOCIO-POLITICAL THOUGHT OF XVIII CENTURY

Perevezentsev Sergey V., Ph.D. (History), Professor
The Lomonosov Moscow State University
2 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia
E-mail: serp1380@yandex.ru

The article discusses the main directions of the Russian socio-political thought of the XVIII century: statist, the conservative education, radical education, traditionalist-orthodox. The characteristics of each of the areas, the comparative analysis, the influence of each direction in the processes of social and political thought of Russia.

Keywords: Russian socio-political thought of the XVIII century, enlightenment, rationalism, traditionalism, conservatism, Orthodoxy

Всем социально-политическим концептам, рожденным русской мыслью в XVIII столетии, оказались присущи две основополагающие, фундаментальные идеи: идея «пользы Отечества» и идея независимого сильного светского государства [13, с. 11–52; 2–4]. Однако конкретное содержание этих идей (в чем заключается «польза Отечества»? Каковы формы организации и цели сильного государства?) разные мыслители видели по-разному. Можно, несколько условно, выделить четыре основных направления в отечественной социально-политической мысли XVIII в.: *государственническое; консервативно-просветительское; радикально-просветительское; традиционалистско-православное*. Естественно, что наибольшими консерваторами по своей сути было православные традиционалисты. Впрочем, при всей своей устремленности к обновлению России, мировоззрение представителей государственнического и консервативно-просветительского направления тоже отличалось заметным консерватизмом, но уже, скорее, не в традиционном русском, а в европейском понимании этого явления. И только просветители-радикалы в своих идеях пытались не только приблизиться, но и «обогнать» самых отъявленных европейских революционеров – якобинцев.

Последователи *государственнического направления* своим главным делом считали теоретическое обоснование сложившейся в первой половине XVIII в. модели политического устройства России – абсолютной монархии. Именно идею неограниченной власти русского государя, так или иначе присутствующую в отдельных сочинениях русских книжников XVI–XVII вв., мыслители-государственники в XVIII столетии восприняли как единственную традиционную, развили и дополнили ее в необходимом для себя ключе. В этом отношении, самыми яркими представителями государственнического направления можно считать Феофана Прокоповича и императрицу Екатерину II.

Архиепископ Новгородский и вице-президент Святейшего Синода Феофан Прокопович (1681–1736), будучи рационалистом, по своим религиозным и церковным предпочтениям стоял ближе к протестантизму, нежели к православию, почему неоднократно обвинялся в еретичестве, особенно после смерти Петра I. Но именно Феофан Прокопович стал главным государственным идеологом не только петровского времени, а, фактически, всего XVIII в., став автором важнейших церковно-политических и политических сочинений: «Духовный регламент» (1721 г.) и «Правды воли монаршей» (1722 г.), утверждающей божественное происхождение царской власти. В своих рассуждениях на политические темы Ф. Прокопович основывался на теории естественного права, поэтому в его сочинениях мы найдем противоречивое соединение нового для России рационалистического мышления и традиционного теологического мировоз-

зрения. Придерживаясь теории двух истин (религиозной и «светской»), Прокопович настаивал на необходимости опираться и на доводы естественного разума, и на исторические примеры, и на «законы народные», и на Слово Божие. В этом отношении он предложил новое обоснование идеи и практики абсолютной монархии, истинность которой Прокопович доказывает как рационалистическими методами и ссылками на научные авторитеты, так и традиционными богословскими обоснованиями, и ссылками, прежде всего, на авторитет Священного Писания и сочинения Отцов Церкви. Сам термин «самодержавие» Прокопович стал употреблять в смысле неограниченной власти императора. Его прежнее содержание, означавшее суверенность и независимость государства, утратилось, и отныне данный термин стал обозначать только верховную, неограниченную власть. В таком именно значении он употреблялся и употребляется в XIX, XX и XXI вв.

Императрица Екатерина II Алексеевна (1729–1796) в первые годы правления была очень увлечена идеями французских просветителей – Вольтера, Дидро, Монтескье, Д’Аламбера, вела с некоторыми из них переписку, советовалась с ними, материально их поддерживала. Она считала себя просвещенной государыней, которая сможет с помощью справедливых законов установить в России столь пропагандируемую французскими мыслителями «просвещенную монархию». В 1767 г. императрица созвала Уложенную комиссию, главной задачей которой была разработка нового Уложения – Свода законов Российской империи. Для работы в Уложенной комиссии со всей страны съехались депутаты, представители различных сословий: дворянства, духовенства, купечества, государственных крестьян. К началу работы Комиссии Екатерина лично написала «Наказ», в котором выразила свои мысли о справедливой, «просвещенной монархии».

Но представления Екатерины II о «просвещенной монархии» значительно отличались от идей французских просветителей. Екатерина II считала, что в России император должен иметь абсолютную, ничем и никем неограниченную власть, ведь Россия – очень большое государство, и иначе управлять таким государством невозможно. Рассуждая о равенстве и справедливости, Екатерина утверждала, что российское общество должно быть поделено на сословия. Высшим сословием она считала дворянство, которое должно пользоваться исключительными правами и привилегиями. Ведь, по убеждению Екатерины, именно дворяне являются главной опорой империи и императорской власти. В свою очередь, определенные права и обязанности должны быть у купечества, у городских жителей, у государственных крестьян. И только крепостные крестьяне не могут обладать никакими правами, потому что являются собственностью дворян. Екатерина вовсе не собиралась лишать дворянство, которое было опорой ее власти, главного богатства – крепостных крестьян. Она и не помышляла о воле для крестьян, но, в то же время, призвала помещиков к гуманному обращению с крестьянами. Однако с самого начала работы Комиссии вскрылись острые противоречия между представителями разных сословных групп, входивших в нее. Кроме того, в 1768 г. началась война с Турцией и деятельность Комиссии была приостановлена, а затем и вовсе прекращена. Екатерининский проект о выработке нового Свода законов так и остался нереализованным. Тем не менее, императрица Екатерина II попыталась воплотить в жизнь некоторые идеи французских просветителей, но войны с Турцией и «пугачевский бунт» несколько охладили реформаторский пыл государыни. Впрочем, после подавления «пугачевского бунта» Екатерина II продолжила свои реформы, правда, теперь она более не стремилась к составлению законов, защищающих права ее подданных, а заботилась об укреплении уже существующих основ российской государственности.

Консервативно-просветительское направление представлено широким кругом русских мыслителей. Одним из первых, кто уже в первой половине XVIII в. увидел новые явления в жизни России и попытался осмыслить их с просветительских позиций, стал Василий Никитич Татищев (1686–1750). Понимая, что России необходимо самой найти свою историческую дорогу, ведущую в будущее, Татищев попытался использовать самые современные тогда достижения западноевропейской науки, преломив их в соответствии с отечественным историческим опытом. Именно потому он и оказался человеком, стоявшим у истоков зарождения многих тенденций в русской философской и общественно-политической жизни.

Так, впервые в истории российской общественной мысли Татищев рассматривал все проблемы с позиций философского деизма, методологической основы всего просветительского мировоззрения. Деисты в своих учениях соединяли материалистические и идеалистические воззрения. Соединение это было чаще всего механическим, потому-то деизм и был всегда внутренне противоречивым. Но сам факт уравнивания деистами Божественного Промысла (то есть идеального) и «естественного бытия» (то есть, материального) сыграл значительную роль в истории [6; 9; 14–16; 20; 27].

Если Татищев раздумывал над проблемами соотношения материального и идеального с деистических позиций чисто теоретически, то впоследствии Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765), стремясь связать философию с выводами естествознания, стал искать естественнонаучные доказательства материальности мира. М.В. Ломоносов, вслед за Татищевым, но независимо от него, пришел к признанию единства природы [7, с. 92, 357; 8, с. 173].

Деистической картины мира придерживались и другие российские просветители, продолжая большей частью ломоносовскую линию. Интересны в этом отношении суждения Дмитрия Сергеевича Аничкова (1733–1788) о соотношении души и тела, то есть идеального и материального в его «Слове о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих». Другой мыслитель второй половины XVIII в. Яков Павлович Козельский (1728–1794) в своем труде «Философические предложения», говоря о натуре (т.е., природе), строго разграничивает «натуральное» или естественное от «вышенатурального», «вышестественного» или сверхестественного [5, с. 452–458].

История показывает, что увлечение просветителей деизмом стало одним из этапов в рождении и распространении материалистических учений. Впрочем, свои крайние формы выражения – вплоть до атеизма – материализм XVIII в. нашел только во французском просветительстве. И, тем не менее, проблема остается. Противоречивое восприятие просветителями идеи Бога, их стремление все и вся объяснить естественными причинами сыграло двоякую роль в истории. С одной стороны, их пропаганда научного знания, открытое воспевание человеческой свободы как бы двинули вперед всю европейскую цивилизацию, раскрепостив человеческую личность. Но, с другой стороны, результатом такового мировосприятия стало все более ширящееся убеждение людей в их способности жить без Бога, более того, устраивать жизнь лучше Бога. Отказ от понимания мира как Божественного Творения означал и отказ от вечных и Высших истин. Получалось, что человек сам, без Божией помощи может построить справедливый и счастливый мир. Если нет Бога с его законами, то человек должен сам устанавливать свои законы, сам решать, как ему жить.

Исторический же опыт свидетельствует, что отказ от Высших, Божественных истин всегда приводит человека не к счастью, но к торжеству самопроизвола, к довольно быстрой замене Бога Небесного, на бога земного, к возникновению религиозности в иных, более низких, более искаженных, «идолопоклонских» формах. Кстати, это случилось уже в конце XVIII в., когда якобинцы попытались установить во Франции новый религиозный культ Разума. И в этом смысле XVIII в. стал временем, когда европейский человек впервые за последние столетия задумался – а на что способен он сам, без Бога? Естественно, подобный вопрос встал и перед русским человеком.

Впрочем, русские просветители XVIII столетия никогда не отрицали саму идею Бога. И это не случайно, ведь для русского сознания вообще, и русского философствования, в частности, наиболее органичным всегда было и остается религиозно-мифологическое мировосприятие. Так и мыслители XVIII в. были критически настроены по отношению к Церкви, а не к религии как таковой. Более того, главной целью русского просветительства было все то же, присущее всему отечественному любу мудрости, стремление понять итоговый замысел Божий, но только не с помощью теологии, а посредством человеческого разума, с помощью науки. А ведь в XVIII в. наука достигла поразительных успехов, открывая все новые и новые «тайны естества». Ну, как тут было не увлечься изучением «естественных» законов!

Вот и просветители облекали свое деистическое мировоззрение в форму «естественного закона» или, иначе, в форму теории «естественного права». Что же это за «естественный закон»? Уже В.Н. Татищев считал, что мир развивается по определенным законам – по Божественному, который изначально заложен Господом, и по «естественному», который вырабатывается в мире (природе и обществе) сам по себе. Самым важным в рассуждениях Татищева о «естественном законе» является то, что на первое место выходит разумная любовь к себе или, иначе, принцип «разумного эгоизма», в этом и заключается суть «естественного закона». В этом случае целью существования человека становится достижение «истинного благополучия, то есть спокойствия души и совести». Любовь к ближнему, даже любовь к Богу – только для собственного благополучия [21, с. 61].

Впрочем, в татищевском понимании «естественного закона» есть и еще одна примечательная для отечественной историко-философской традиции особенность: в толковании «естественного закона» он подчеркивает необходимость любви – любить нужно себя самого, Бога, ближнего своего. В западноевропейских учениях того времени человеческие отношения рассматривались, в первую очередь, с позиции «разума» и сам «естественный закон» осмысливался исключительно через призму прав и обязанностей человека. Для Татищева же идея любви и идея «естественного закона» неразделимы. Видимо, он не мог воспринимать теорию

естественного права как просто юридическую, отвлеченную от нравственных категорий. Для него было важно придать этой теории человеческое, нравственное звучание, что было вообще характерно для русской общественной мысли.

Антропоцентрическая направленность была продолжена и развита другими мыслителями во второй половине XVIII в.. Николай Никитич Поповский (1726–1760) включил в свое определение предмета философии учение о человеке и его благе. Он считал, что «благополучие, то есть всех наших действий внешних и внутренних естественная причина, в самом подлинном виде лице свое показывает» [5, с. 88]. Примерно о том же говорил в своих «Речах» и «Словах» профессор Московского университета Антон Алексеевич Барсов (1730–1791), когда утверждал, что философия «приобучает разум к твердому познанию истины, чтобы оный напоследок знать мог, в чем наше истинное благополучие заключается» [5, с.107]. В этом же духе высказывался и Я.П. Козельский: «Кажется мне, лучше определить философию наукою благополучия», ибо философия «подает человеку всевозможные средства добрые к приобретению благополучия» [5, с. 426].

Однако столь большое внимание, уделяемое просветителями теме «свободного», «эгоистического» человека, имело в России свое нравственное обоснование и весьма жесткие рамки. Пристальное внимание к индивидуальности, выделение сознания отдельного индивида, как основы сознания вообще началось в Европе еще в эпоху Возрождения, вылившись в философию гуманизма. Для Нового времени характерен рационализм, как идейное выражение новых отношений, который по сравнению с гуманизмом более «эгоистичен» [10–12; 24]. Но в середине XVIII столетия теория «естественного права» с ее проповедью «разумного эгоизма» носила совершенно иной характер, чем в позднейшие времена, когда буржуазный «эгоистический человек» стал и в теории, и в реальной жизни отрицать христианские нормы морали и нравственности, а свои собственные желания и устремления стал объявлять общественными потребностями. По мнению просветителей, чувства и воля человека должны сдерживаться разумом, иначе существование человеческого общества просто невозможно. Да, человек обязан во всем исходить из «пользы для себя», но делать он это должен разумно, соотнося свои желания с желаниями других людей и общества в целом.

Еще Татищев писал: «Тако, зане человек по естеству жаелает быть благополучен, но оное никак без помощи других приобрести и сохранить не можем, убо должны мы оных, от кого какую любовь или милость получили, возмездно любить, или от кого паче надеемся милость, помощь или добродееание получить, должны ему заимственно от нас самих равное изъять» [21, с. 61]. Татищеву вторил Н.Н. Поповский, утверждавший, что главная цель науки – искать «пути и средства всему человеческому благополучию» [5, с. 90]. Кроме того, он говорил, что «мы в своем счастье не должны рассуждать только по одному своему состоянию, но по общему концу и пользе всех тварей» [17, 7].

Рационалистическое мышление заставляло в XVIII в. искать в любом деле, прежде всего «пользу». Уже говорилось, что идея «общей пользы» главенствовала и в теоретических трактатах западноевропейских ученых, и в практических деяниях правителей европейских государств. Для российских просветителей идея «общей пользы» довольно рано и прочно трансформировалась в идею «пользы Отечества».

Осознание глубокой взаимосвязи судьбы отдельной личности с судьбой всей России на долгие времена определило и то, что, начиная с XVIII в., важнейшим предметом размышлений, порой мучительных раздумий отечественных мыслителей стало положение русского народа. Именно просветители впервые критически взглянули на основу основ – крепостное право, ибо именно крепостная зависимость крестьян вступала в противоречие с идеей «пользы Отечества».

Уже в 30-е гг. XVIII столетия В.Н. Татищев пришел к выводу: «Воля по естеству человеку толико нужна и полезна, что ни едино благополучие ей сравняться не может и ничто ея достойно, ибо кто воли лишаем, тот купно всех благополучий лишается или приобрести и сохранить не благонадежен». После этой мысли Татищев делает отступление, рассуждая о том, что для обеспечения нормального общежития необходимо заключение «общественного договора» между разными категориями населения. Иначе говоря, «воле человека положена узда неволи для его же пользы» [21, с. 121].

Приводя разные примеры «узды неволи», Татищев называет и крепостное право, как договор между холопом и господином. Однако уже в конце жизни он выражал серьезные сомнения в экономической эффективности и целесообразности крепостничества. Более того, он считал, что введение крепостного права в начале XVII в. принесло большой вред России (вызвало Смуту) и призывал серьезно продумать вопрос о «восстановлении» бывшей когда-то на

Руси вольности крестьян. И недаром именно ему принадлежат слова: «...Рабство и неволя противу закона христианского» [23, с. 360; 21, с. 125, 381].

Просветители второй половины XVIII столетия также большое значение придавали правовому положению крестьянства в Российском государстве. Некоторые из них приняли активное участие в работе Уложенной комиссии. Характерна в этом отношении записка профессора юриспруденции Московского университета Семена Ефимовича Десницкого (ок. 1740–1789) «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». С.Е. Десницкий довольно резко выступал за обеспечение прав крестьянства, как он говорил, «нижнего рода»: «Оное состоит в утверждении навсегда свободы человеку, единожды оную от господина своего получившему, равномерно и его потомству с запрещением вступить снова в крепость». Также резко требовал он прекратить продажи крестьян, ибо они «противны человеколюбию, пагубны для государства, вредны самим помещикам» [5, с. 322].

В защиту крестьян выступал коллега Десницкого, профессор Иван Андреевич Третьяков (1735–1776), который доказывал полную экономическую несостоятельность крепостного труда [5, с. 353–363]. Осуждал произвол и беззаконие помещиков и Алексей Яковлевич Поленов (1738–1816), написавший целое сочинение под названием «О крепостном состоянии крестьян в России».

Теоретически обосновывал необходимость равенства всех людей Н.Н. Поповский: «Мы по естеству все равны, и нет достойнейшего, ибо Бог никого не любит больше прочих, следовательно, и счастье должно быть всем одно и общее. Потому здравие, красота, благородство, богатство и прочие не могут быть первым и общим блаженством; понеже не всем они достаются, и притом прменяются, а счастье должно быть у всех и непрерывно» [17, с. 7].

Российские просветители XVIII в. многое сделали для пропаганды идей равенства. Однако не стоит из этого делать вывод о «революционности» их мировоззрения. Большинство из них не могли быть революционерами по самой логике исторического развития, да и не должны были ими быть. Ведь, стоит повториться, просветители выступали как выразители интересов всей нации, всего Отечества, стремились учесть в своих «Словах», «Речах», «Рассуждениях» и «Разговорах» требования различных социальных сил, привести их к некому единому знаменателю. Они искали пути и средства для достижения процветания собственного Отечества.

Именно поэтому все они прекрасно понимали и активно поддерживали идею единого национального государства, идею России, как великой державы. Какова могла быть форма этого государства? Большинство просветителей видели Российское государство самодержавным, во главе с «хорошим царем» – «философом на троне», «просвещенным монархом». По их мнению, народ заключает с монархом «общественный договор» для того, чтобы последний обеспечивал достойное существование государства, соблюдал законы, заботился о своем народе [19, с. 30–31].

Но вот, что интересно. Именно размышления о благе Отечества, о величии русского народа, приводили просветителей к достаточно вольнодумным выводам. Уже говорилось о позиции просветителей по крестьянскому вопросу. Но заслуга мыслителей XVIII в. не только в том, что они подняли крестьянскую проблему, но и в том, что увидели непосредственную ее связь с политическим строем. Еще В.Н. Татищев осторожно заметил по этому поводу: вольность крестьян «с нашею формою правления монаршеского не согласует, и вкоренившийся обычай неволи переменить небезопасно» [21, с. 360].

Однако, размышляя о сущности российской государственности, Татищев пришел к выводу о том, что в России из-за обширности территорий, сложности географии и, главное, непросвещенности народа, наиболее целесообразной формой государства может быть только монархия: «Всяк благоразудный видеть может, колико самовластное правительство у нас всех полезнее, а протчие опасны» [21, с. 147, 149; 22, с. 147]. Но дело в том, что Василий Никитич мыслил монархию в России не абсолютной и бесконтрольно самовластной, а, во-первых, просвещенной, и, во-вторых, ограниченной законом. Об этом ярко свидетельствует его проект ограниченной (конституционной) монархии, который был написан им в 1730 г. Конечно, проект не мог быть воплощен в жизнь, но он точно показывает, в каком направлении развивалась просветительская мысль в России [21, с. 146–152].

Впрочем, далеко не все отечественные просветители пошли по стопам Татищева в решении политических вопросов, однако идеи ограничения самовластия монарха некоторыми из них использовались. Так, С.Е. Десницкий своей записке о новом политическом устройстве Российской империи, представленной в Уложенную комиссию, предлагал ввести обязательное разделение законодательной, исполнительной, судебной и гражданской властей, а также учредить выборный «правительствующий сенат» с достаточно широкими полномочиями, т.е. учредить своего рода конституционную монархию. При этом Десницкий выступал за то, что-

бы закон достаточно строго определял prerogативы монарха, государственных учреждений, определял бы отношения между помещиками и крепостными, родителями и детьми, всякого рода имущественные и личные отношения [5, с. 292–332]. Впрочем, записка Десницкого не нашла поддержки у власть имущих, хотя некоторые юридические положения С.Е. Десницкого нашли отражение в «Наказе» Екатерины II.

Несколько особняком в когорте русских мыслителей, выражавших просветительские идеалы, стоит князь Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790). С одной стороны, как политический мыслитель, М.М. Щербатов был сторонником просветительской концепции государственного устройства, предложенной Ш. Монтескье: русский мыслитель был убежден в том, что России более всего подходит монархическое устройство, но ограниченное законом и общественным представительством. Но при этом князь Щербатов оставался идеологом родовой аристократии и вполне определенно выступал против равенства сословий, резко высмеивая эту идею. Ведь разные способности людей, по Щербатову, обуславливают их естественное неравенство, которое в обществе связано с исторически возникшим сословным неравенством. Основа общества – люди дворянского звания, их стержневая роль обусловлена как заслугами предков перед государством и монархом, так и их образованием и воспитанием [28, с. 179–346]. Щербатов выступал против предоставления дворянского звания выходцам из других сословий. Полемизируя со многими положениями «Наказа» Екатерины II он настаивал на сохранении крепостного права как веками сложившейся традиции. Щербатов резко отрицательно относился к наделению крепостных каким-либо имуществом и к просвещению народа, полагая, что это повлечет за собой крестьянский бунт. И недаром, по мнению современных исследователей, именно М.М. Щербатов может в наибольшей степени считаться мыслителем, который принадлежал к числу представителей зарождавшегося русского консерватизма второй половины XVIII в.

Наверное, единственным реальным идеологом *радикального просветительства* оказался Александр Николаевич Радищев (1749–1802). Он тоже, как и иные просветители XVIII в., считал, что важнейшей обязанностью человека служение своему Отечеству: «истинный человек и сын Отечества есть одно и то же [18, с. 247–248]. Однако само служение Отечеству А.Н. Радищев понимал более чем радикально. Именно он подверг самому же резкому в XVIII столетии осуждению самодержавную форму правления [18, с. 7]. А свои столь радикальные воззрения Радищев сопровождал призывами к насильственному свержению монархии в России и к массовым репрессиям по отношению к господствующим сословиям. А.Н. Радищев был единственным из российских просветителей, кто мыслил столь радикально и резко. Впрочем, именно с Радищева принято отсчитывать начало революционного общественного движения в России [25; 26, с. 92–93].

Господство рационалистического мировоззрения, «светскости» и просветительства, казалось бы, совершенно отодвинуло в сторону и даже превратило в некую эфемерность традиционное русское православное миропонимание. Однако это было совсем не так. Более того, увлечение «светскостью» было характерно для достаточно узкого слоя российского населения: высшего общества, образованного дворянства и купечества, для возникшей во второй половине XVIII в. русской интеллигенции, которую тогда именовали «разночинцами». Основная же масса русского народа продолжала исповедовать традиционные православные ценности и почитать тех, кто в народном сознании напрямую связывался с давней традицией православного подвижничества – уподобления Христу. Именно поэтому XVIII столетие дало немало примеров традиционной русской святости. А духовное стояние русских подвижников в борьбе со злом неизменно вызывало искренний отклик в народном сознании. И недаром позднее немалое число русских подвижников XVIII в. были причислены к лику святых. Именно поэтому представители *традиционалистско-православного направления* и в XVIII в., и позднее, оказывали, как это не покажется странным, наибольшее духовное и идейное влияние на самые широкие круги своей православной паствы. Так, еще в годы петровских реформ своим благочестием прославился епископ Митрофан Воронежский (1623–1703), который не только способствовал петровским реформам, но и не боялся отстаивать перед царем православные истины, резко противостоял иноземным порядкам, которые вводил Петр I. В конце XVIII столетия замечательный пример подвига юродства явила Ксения Петербургская (Ксения Григорьевна Петрова, между 1719 и 1730 – ок. 1803).

За сохранение традиционной религиозности и церковной дисциплины жестко боролся Арсений Мацеевич, митрополит Ростовский и Ярославский (1697–1772). Ростовский митрополит всячески противостоял попыткам Святейшего Синода «пересвидетельствовать» мощи ростовских святых, докладывая на многочисленные запросы из Синода о том, что в его епархии никаких суеверий «не усмотрено, но, слава Богу, все добре». Именно трудам Арсения

Мацевича мы обязаны тому, что в 1757 г., впервые в XVIII столетии, произошла канонизация русского святого – был прославлен святитель Димитрий Ростовский. В своих проповедях и сочинениях митрополит Арсений резко критиковал сочинения Феофана Прокоповича и его последователей. В 1750–1760-е гг. Арсений Мацевич в полный голос выступил против секуляризационных намерений русских властителей. При императрице Елизавете ему удалось добиться отклонения правительского проекта секуляризации церковных владений. Усилиями митрополита Арсения был остановлен подобный проект императора Петра III (правда, уже после свержения Петра). В феврале 1763 г. Арсений резко осудил проект секуляризации Екатерины II и даже во время одного из праздничных богослужений, когда положено анафематствовать еретиков, в текст анафематствования внес дополнение: «Все насильствующие и обидящие св. Божии церкви и монастыри, отнимаяще у них данная тем... имения яко крайние врази Божии да будут прокляти» [1]. Затем, в марте 1763 г. отправил в Синод два доношения, в которых резко критиковал императорский Указ и инструкцию об управлении церковной собственностью. Твердость и непреклонность митрополита Арсения Мацевича дорого ему обошлась – его расстригли и под именем Андрея Вралья отправили на вечное содержание в тюрьму г. Ревеля, где он и умер.

Высочайшим духовным авторитетом в XVIII столетии пользовался святитель Тихон Задонский (1724–1783), прославившийся как выдающийся проповедник и писатель. В жизни и творчестве святителя Тихона Задонского ярко проявляется наследие древней монашеской традиции – старчества. Целью проповеди и личного иноческого подвига святителя было «христоподражательное житие»: каждый истинный христианин должен с верою и любовью следовать за Христом в земной жизни и тогда Господь удостоит его спасения и вечной жизни. Образ жизни и философско-литературные произведения святителя Тихона Задонского стали важнейшим этапом в дальнейшем развитии русской духовно-политической мысли, ибо в XVIII столетии, он был одним из немногих, кто вновь возродил к жизни принципы истинного православия, столь проповедуемые русскими мыслителями в XI–XVII вв.

Знаменательной была деятельность преподобного Паисия Величковского (1722–1794). Впервые, он возродил в обителях древнюю православную монашескую традицию старчества, во вторых, перевел более сорока святоотеческих книг на славянский и молдавский языки. Этот свод получил название «Добротолюбие», получил самую широкую известность и стал одним из самых излюбленных чтений в славянском православном мире. После смерти Паисия его многочисленные ученики распространили старчество, возрожденное трудами их духовного наставника, во многие монастыри Молдавии, Украины, России, Греции. Уже вскоре более ста русских монастырей возродится к активной монашеской жизни. Поднимутся и достигнут расцвета древние северные обители – Валаам и Коневец, прославятся на всю страну Оптина и Глинская пустыни, Саровская обитель, духовно обновится Троице-Сергиева Лавра. Монастыри, в которых в конце XVIII – начале XX в. утвердился старческий традиция, превратятся в важнейшие духовные центры России, которые много поспособствуют возрождению и сохранению важнейших традиционных духовно-политических идеалов в жизни российского общества.

Подвиг русской святости даже в «век Просвещения» был не напрасен. Уже со второй половины XVIII в. православная жизнь и мысль начинают постепенно возвращать свое законное место в душах и сердцах русских людей, а, значит, возвращалось понимание роли и значения традиционных ценностей в историческом бытии России. Правда, для полного осознания этих значимости традиционных ценностей в жизни России потребовалась трагедия Отечественной войны 1812 г., в ходе которой высшее российское общество неожиданно для самого себя открыло русский народ, его мощь, красоту и духовную глубину. В результате, сочетание, казалось бы, не сочетаемого – просветительского воспевания разума и способностей человеческой личности с традиционализмом и религиозностью русского народа – стало одной из главных причин рождения уже в следующем, XIX в. великой русской национальной культуры и великой русской национальной философско-политической традиции. «Золотой век» русской культуры и философии – это ответ европейски образованной и национально мыслящей русской интеллигенции на истинные запросы своего народа.

Список литературы

1. Алексеев А.И. Арсений (Мацевич) // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 390.
2. Андерсон К.М., Артамонова Ю.Д., Бойцова О.Ю., Вархотова В.А., Гуторов В.А., Ермашов Д.В., Зоткин А.А., Козиков И.А., Котов Б.С., Мартыненко Н.П., Мыркова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Сетов Н.Р., Пучнина О.Е., Чанышев А.А., Шириянц А.А. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2014. № 4. С. 110–136.

3. Андерсон К.М., Бойцова О.Ю., Вархотова В.А., Волошин А.И., Гуторов В.А., Ермашов Д.В., Зоткин А.А., Козиков И.А., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Сетов Н.Р., Сорокопудова О.Е., Чанышев А.А., Ширинянц А.А. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: круглый стол // SCHOLA-2013: Материалы международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений». М., 2013. С. 341–357.
4. Андерсон К.М., Мырикова А.В., Вархотова В.А., Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А., Чанышев А.А., Ермашов Д.В. Политология как история идей: материалы «круглого стола» // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2009. № 4. С. 65–81.
5. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т.1. М., 1952.
6. Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1987.
7. Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М., 1950.
8. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1950. Т. 1.
9. Милуков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. Т. 1.
10. Мотрошилова Н.В. Познание и общество. М., 1969.
11. Нарский Н.С. Западноевропейская философия XVIII века. М., 1973.
12. Новгородцев П.И. Учения Нового времени XVI–XVIII вв. М., 1904.
13. Перевезенцев С.В. В поисках нового... консерватизма // Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. Авт.-сост. Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.А. Ширинянц. Подг. текстов: А.А. Горохов, О.Е. Пучнина, А.С. Хелик, А.Б. Страхков, Д.А. Ананьев / С. В. Перевезенцев, А. А. Ширинянц, А. А. Горохов и др. М., 2015. С. 11–52.
14. Перевезенцев С.В. Отечества пользы для. М., 1990.
15. Перевезенцев С.В. Русский выбор: Очерки национального самосознания. М., 2008.
16. Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2.
17. Поповский Н.Н. Опыт о человеке господина Попа. М., 1787.
18. Радищев А.Н. Избранные сочинения. М., 1949.
19. Речи, произнесенные в торжественных собраниях Московского университета русскими профессорами оного. М., 1819. Ч. 1.
20. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.
21. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979.
22. Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. 1.
23. Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1968. Т. 7.
24. Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1872. Ч. 2.
25. Ширинянц А.А. А.Н. Радищев и политическая культура интеллигенции России XIX-начала XX вв. // Историческое образование. 2014. № 1. С. 90–108.
26. Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011.
27. Шкуринов П.С. Философия в России XVIII века. М., 1992.
28. Щербатов М.М. Избранные труды. М., 2010.

References

1. Alekseev A.I. Arseniy (Matseevich) // Pravoslavnyaya entsiklopediya. M., 2001. T. 3. S. 390.
2. Anderson K.M., Artamonova Yu.D., Boytsova O.Yu., Varkhotova V.A., Gutorov V.A., Yermashov D.V., Zotkin A.A., Kozikov I.A., Kotov B.S., Martynenko N.P., Myrikova A.V., Perevezentsev S.V., Prokudin B.A., Setov N.R., Puchnina O.Ye., Chanyshv A.A., Shirinyants A.A. Politicheskaya tekstologiya kak nauka i uchebnaya distsiplina: materialy kruglogo stola // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki. 2014. № 4. S. 110–136.
3. Anderson K.M., Boytsova O.Yu., Varkhotova V.A., Voloshin A.I., Gutorov V.A., Yermashov D.V., Zotkin A.A., Kozikov I.A., Martynenko N.P., Myrikova A.V., Perevezentsev S.V., Prokudin B.A., Setov N.R., Sorokopudova O.Ye., Chanyshv A.A., Shirinyants A.A. Politicheskaya tekstologiya kak nauka i uchebnaya distsiplina: materialy mezhduнародnoy nauchnoy konferentsii «Politika v tekstakh – teksty v politike: nauka istorii idey i ucheniy». M., 2013. S. 341–357.
4. Anderson K.M., Myrikova A.V., Varkhotova V.A., Perevezentsev S.V., Shirinyants A.A., Chanyshv A.A., Yermashov D.V. Politologiya kak istoriya idey: materialy «kruglogo stola» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki. 2009. № 4. S. 65–81.
5. Izbrannyye proizvedeniya russkikh mysliteley vtoroy poloviny XVIII veka. T.1. M., 1952.
6. Kuzmin A.G. Tatishchev. M., 1987.
7. Lomonosov M.V. Izbrannyye filosofskie proizvedeniya. M., 1950.
8. Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochineniy. M.; L., 1950. T. 1.
9. Milyukov P.N. Glavnyye techeniya russkoy istoricheskoy mysli. M., 1897. T. 1.
10. Motroshilova N.V. Poznanie i obshchestvo. M., 1969.
11. NarSKIY N.S. Zapadnoevropeyskaya filosofiya XVIII veka. M., 1973.
12. Novgorodtsev P.I. Ucheniya Novogo vremeni XVI–XVIII vv. M., 1904.
13. Perevezentsev S.V. V poiskakh novogo... konservatizma // Khraniteli Rossii. Antologiya. T. 2. V poiskakh novogo... konservatizma / Pod red. A.A. Shirinyantsa, S.V. Perevezentseva. Avt.-sost. R.V. Mikhaylov, S.V. Perevezentsev, A.A. Shirinyants. Podg. tekstov: A.A. Gorokhov, O.Ye. Puchnina, A.S. Khelik, A.B. Strakhov, D.A. Anan'ev / S. V. Perevezentsev, A. A. Shirinyants, A. A. Gorokhov i dr. M., 2015. S. 11–52.
14. Perevezentsev S.V. Otechestva polzy dlya. M., 1990.
15. Perevezentsev S.V. Russkiy vybor: Ocherki natsionalnogo samosoznaniya. M., 2008.

16. Peshtich S.L. *Russkaya istoriografiya XVIII veka*. L., 1965. Ch. 2.
17. Popovskiy N.N. *Opyt o cheloveke gospodina Popa*. M., 1787.
18. Radishchev A.N. *Izbrannye sochineniya*. M., 1949.
19. Rechi, proiznesennye v torzhestvennykh sobraniyakh Moskovskogo universiteta russkimi professorami onogo. M., 1819. Ch. 1.
20. Rubinshteyn N.L. *Russkaya istoriografiya*. M., 1941.
21. Tatishchev V.N. *Izbrannye proizvedeniya*. L., 1979.
22. Tatishchev V.N. *Istoriya Rossiyskaya*. M.; L., 1964. T. 1.
23. Tatishchev V.N. *Istoriya Rossiyskaya*. M.; L., 1968. T. 7.
24. Chicherin B.N. *Istoriya politicheskikh ucheniy*. M., 1872. Ch. 2.
25. Shirinyants A.A. A.N. Radishchev i politicheskaya kultura intelligentsii Rossii XIX-nachala XX vv. // *Istoricheskoe obrazovanie*. 2014. № 1. S. 90–108.
26. Shirinyants A.A. *Nigilizm ili konservatizm? (Russkaya intelligentsiya v istorii politiki i mysli)*. M., 2011.
27. Shkurinov P.S. *Filosofiya v Rossii XVIII veka*. M., 1992.
28. Shcherbatov M.M. *Izbrannye trudy*. M., 2010.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ У СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В 30-е–50-е гг. XIX в.

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович, доктор исторических наук, профессор
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
Россия, Республика Дагестан, 367030, г. Махачкала, ул. Ярагского, 34
E-mail: daniyal2006@rambler.ru

По мере продвижения России на Северный Кавказ развивались торгово-экономические отношения между местными народами и русскими. Российское правительство рассматривало торговлю и как средство сближения северокавказских народов с русским населением, мирного подчинения первых. По мере заселения и экономического освоения региона, край втягивался в систему всероссийского рынка.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, города, народы, торговля, ярмарка, базар, товар, проект, транзит, соль

THE DEVELOPMENT OF TRADE AMONG THE NORTH CAUCASIAN PEOPLES IN THE 30–50-ies. XIX c.

Kidirniyazov Daniyal S., Ph.D. (History), Professor
Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center, RAS
34 Yaragского Str., Makhachkala, 367030, Republic of Dagestan, Russia
E-mail: daniyal2006@rambler.ru

As we move to the North Caucasus Russia to develop trade and economic relations between indigenous peoples and Russian. The Russian government sees trade as a means of rapprochement of the peoples of the North Caucasus with the Russian population, the peace of the first submission. As the settlement and economic development of the region, drawn into the edge in the all-Russian market.

Keywords: Russia, the Caucasus, city, people, trade, fair, market, product, project, transit, salt

В рассматриваемое время, несмотря на трудности военного времени, торговля между народами Северного Кавказа и Россией не прекращалась. Хотя, в первые годы военных действий торговля Дагестана с народами Северного Кавказа пала [11, с. 19].

Следует указать, что главным товаром чеченцев являлся хлеб, который сбывался ими в значительном количестве в Нагорном Дагестане, в частности в Ботлихе, Анди и ногайцам. Со своей стороны жители Нагорного Дагестана обменивали вайнахам фрукты на мясо и хлеб. Чеченцы, со своей стороны, продавали через андийцев тонкие и легкие чеберлоевские бурки, которые ценились у дагестанских и у других соседних народов [1, с. 242].

Немало сведений о торговых людях из Кабарды в Дагестане встречаются в архивных делах. Также упоминаются в документах и о торговых караванах торговцев из Дагестана в Центральный и Северо-Западный Кавказ. Так, например, в обращении к российской администрации эндириевских владельцев отмечается: «наши люди, сообразно своим состояниям, покупали баранов ... и возвращались из Черкеса» [22, ф. 379, оп. 1, д. 5, л. 95–106].

Одной из важных статей дагестано-адыгских торговых отношений являлись кабардинские скакуны. Даже на временный запрет российских властей на продажу лошадей в регионе, «тайные прогоны лошадей» из Кабарды в Дагестан происходили нередко.

Одним из наиболее развитых и удобных для торгово-экономических отношений Дагестана с северокавказскими народами являлась Засулакская Кумыкия, куда съезжались представители со всего Северного Кавказа для торговых операций. Здесь исторически существовали такие крупные торговые центры, как Эндирей, Тарки, Аксай, Костек и др., находившиеся